

Алан Мур
Джейсен Берроус
ПРОВИДЕНСTM

#6

RDT
REAL DEAL TEAM

Провиденс

сюжет АЛАН МУР
рисунок ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет ХУАН РОДРИГЕЗ
калиграфия КУРТ ХАТУЭЙ
странные бульварные чтиво
карандаши ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС
цвет МАЙКАЛ ДИПАСКАЛЕ
все другие обложки
ДЖЕЙСЕН БЕРРОУС

Уильям Кристенсен главный редактор
Марк Сейферт творческий директор
Джим Кухориц ответственный редактор
Дэвид Маркс директор по маркетингу
Ариана Осборн помощник редактора

перевод СЕРГЕЙ КАРПОВ
оформление INSECT BUDDHA,
МАКС ЛОМКИН, АНОНИМ
проекты Real Deal Team Comics,
Katabasia

www.avatarpress.com [@avatarpress](https://twitter.com/avatarpress)
facebook.com/avatarpresscomics

...ПОКА ОН СПАЛ?
РАНЬШЕ ТЫ НЕ БЫЛ
ТАКИМ ПУРИТАНИНОМ.

и узнает его Азбасимель, ибо посланец черен, и черен
путь его. Он есть писарь, яко Том из древнего Хема,
и несет странныя инструменты, аже из стекла и железа.
Подом он из края далекого в пространстве и времени,
где бьют ключом искры и танование руцитворит
поселенческие зраки опаленных руин, ибо он есть посланец,

ГЕКТОР,
Я ЗАПРЕЩАЮ. ДАШЬ
СЕБЕ ВОЛЮ С ТАКИМИ
ЛЮДЬМИ - И ОНИ БУДУТ
СЛЕДОВАТЬ ЗА НАМИ
ВСЮДУ...

О, НЕ ВОРОШИ
ПРОШЛОЕ.

ДЖЕЙМС, ЭТО ИДЕАЛЬНАЯ
ВОЗМОЖНОСТЬ, И ЗАВТРА УЖЕ
БУДЕТ ПОЗДНО! НИКТО НЕ ЗНАЕТ,
ЧТО ОН ЗДЕСЬ...

МЫ В ЭТОМ
НЕ УВЕРЕНЫ. ВДРУГ
КТО-ТО ВИДЕЛ, КАК ТЫ
РАЗГОВАРИВАЛ С НИМ
В КОЛЛЕДЖЕ.

НУ И ЧТО?
ЭТО БЫЛО ДАВНО,
ОНИ УЖЕ ЗАБЫЛИ.

СЛУШАЙ,
С НИМ ОЧЕВИДНО
ЧТО-ТО НЕ ТАК, МОЖЕТ,
ОН ПЬЯН. НИКТО
НЕ ХВАТИТСЯ...

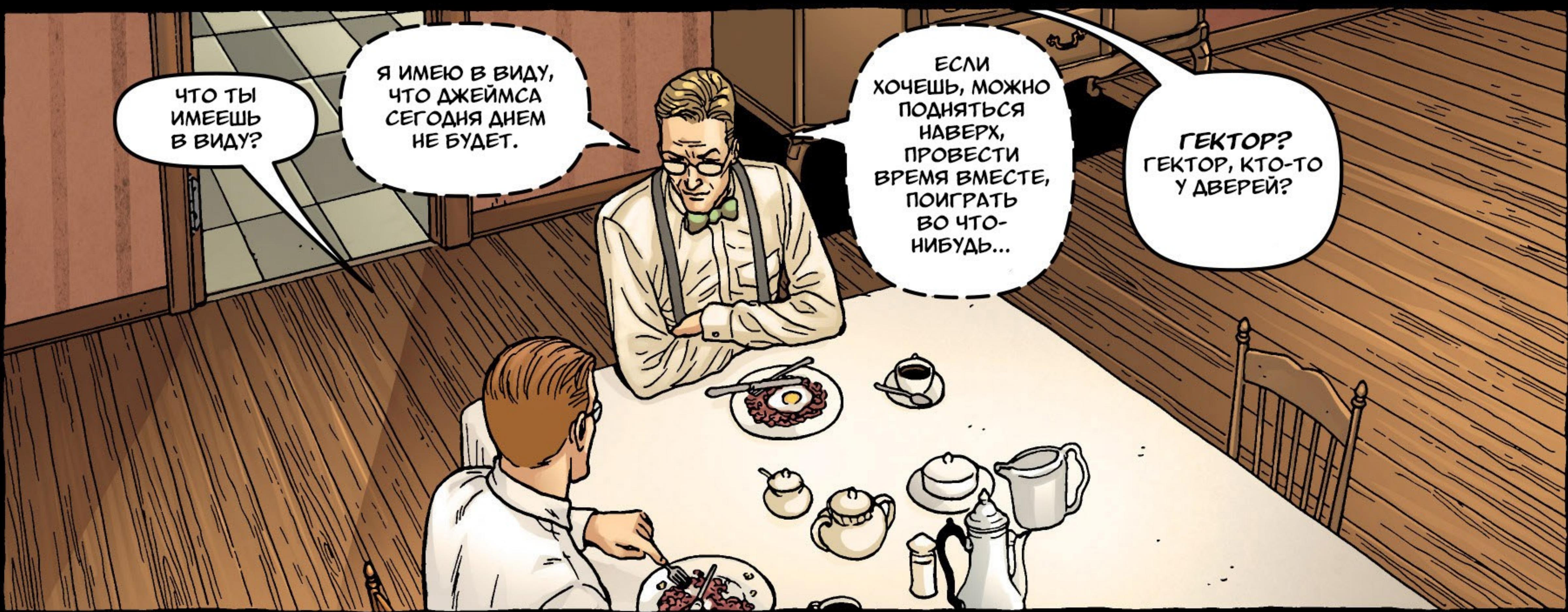
ТЫ ЧТО, ПО-АНГЛИЙСКИ
НЕ ПОНИМАЕШЬ?
СКАНДАЛ В МАНЧСТЕРЕ
НАС ПРИКОНЧИТ. ТЕПЕРЬ
ЛОЖИСЬ СПАТЬ.

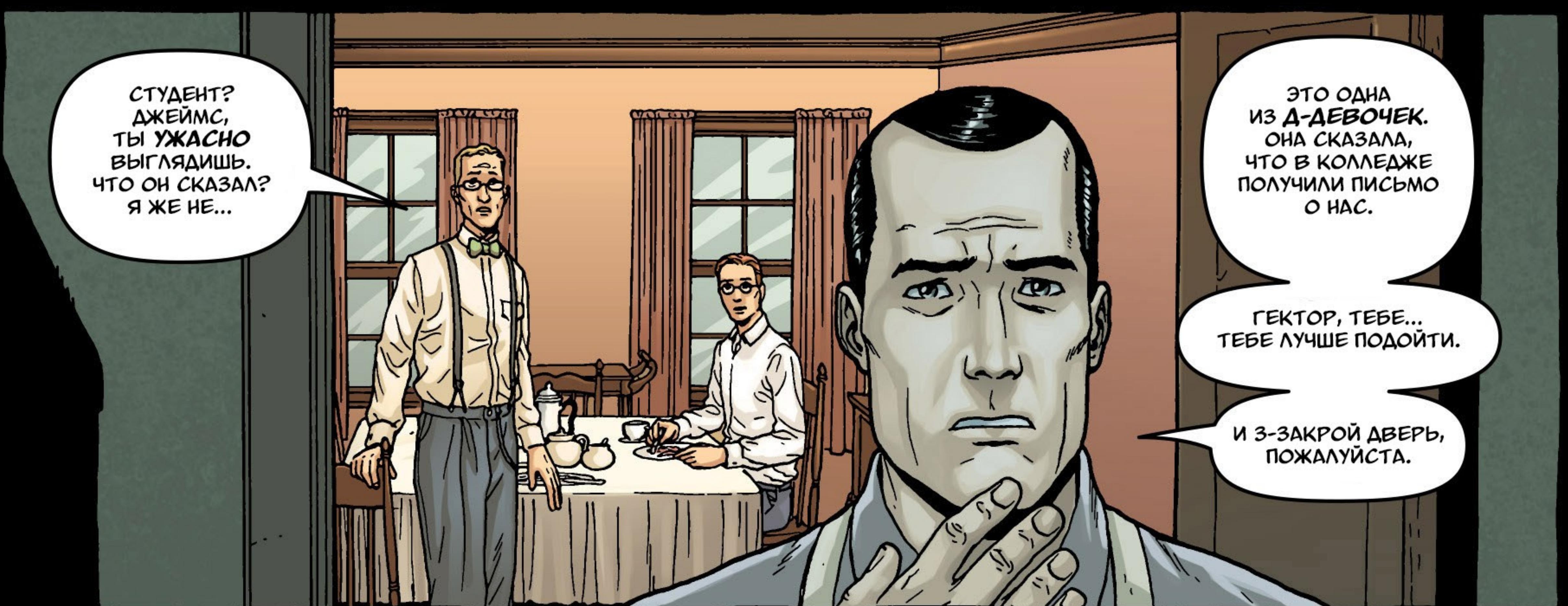
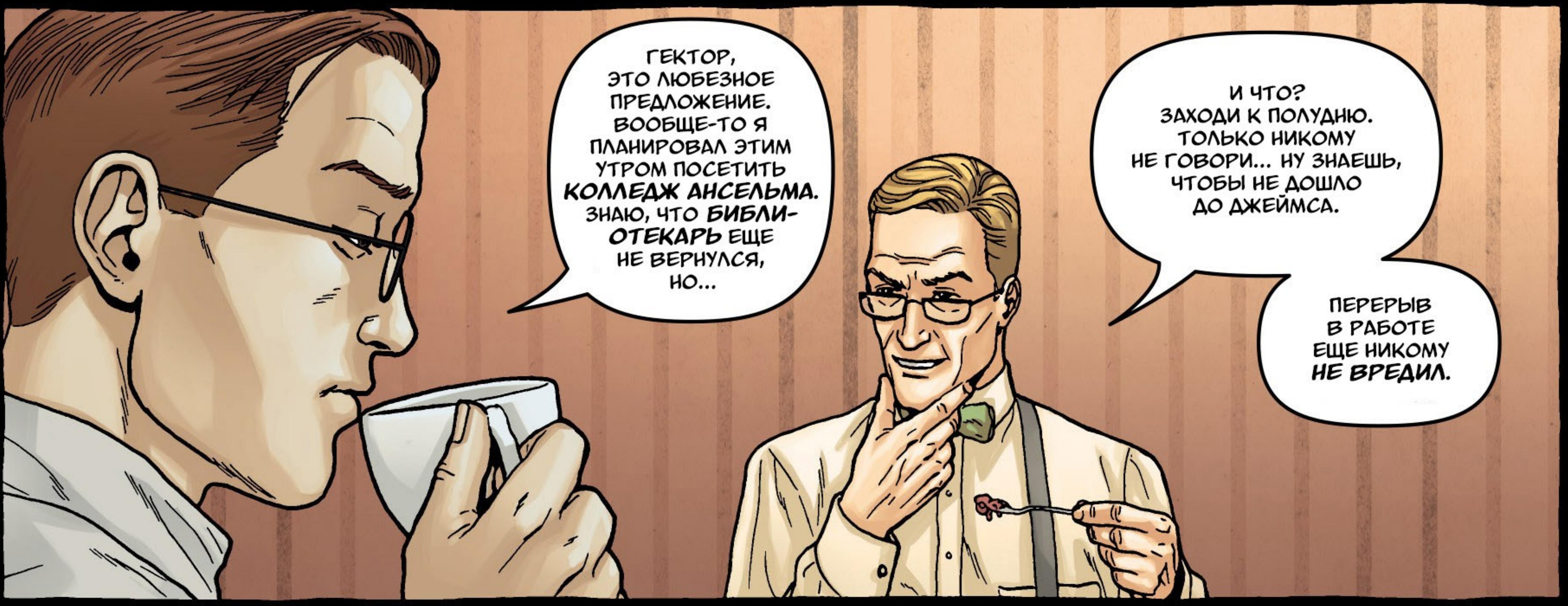
ОБСУДИМ ВСЕ
УТРОМ.

ВОТ ОБЯЗАТЕЛЬНО
ВСЕ ПОРТИТЬ?
ВЕДЬ САМ ЗНАЕШЬ,
ЧТО МЫ СКОРО
УЖЕ БУДЕМ...

Я СКАЗАЛ -
УТРОМ.

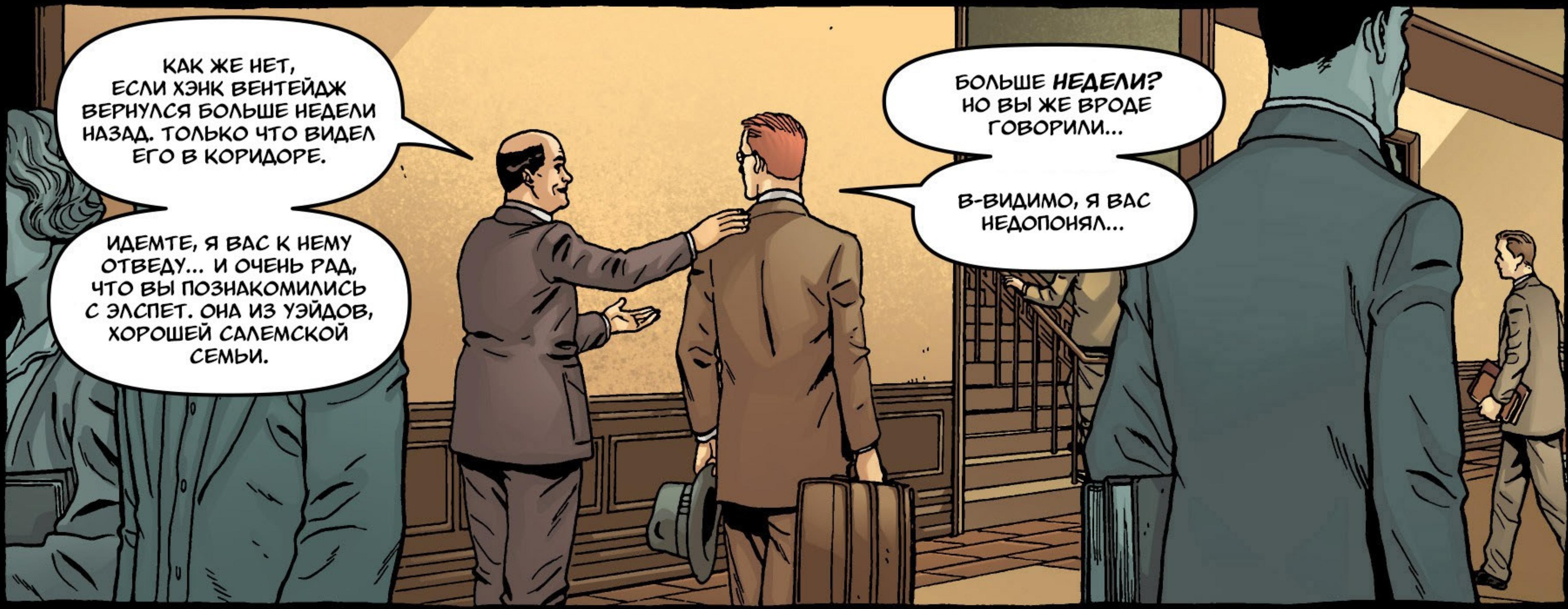

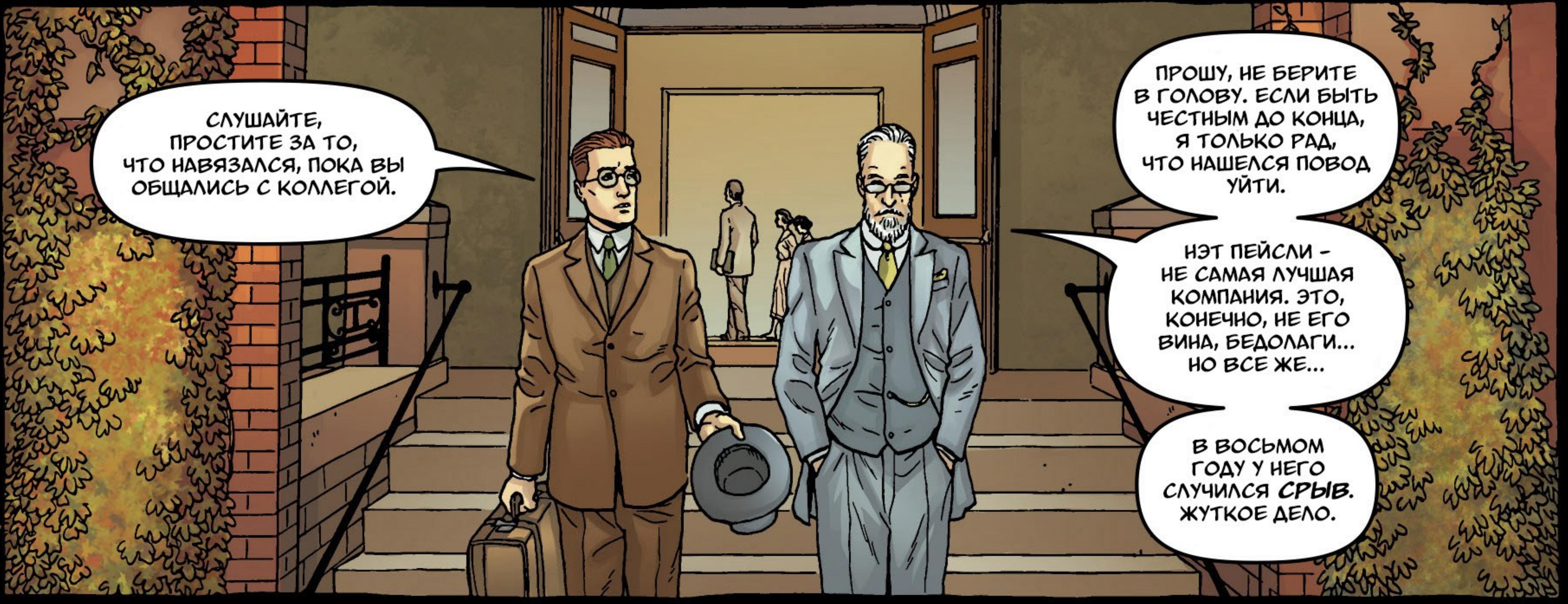

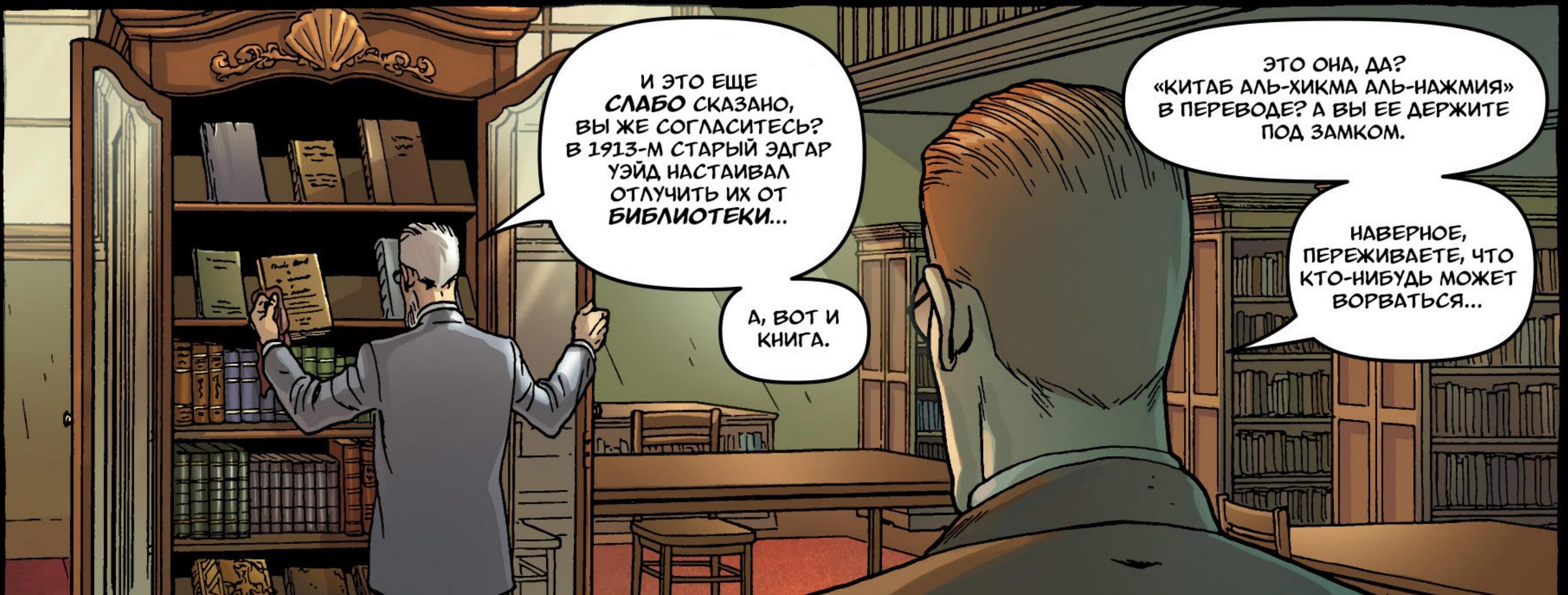

Не помышляй, о человече, будто оные сказы лишь висят
ибо мир носит две маски – то одну, а то иную, – и т
лежат земли людской славы, иные царят лишь сон, как
станут сном все болести человека, когда явлен будем
Азбазитель, десницей кого исцеляется разлад Земли.
Поднимаясь ему под хвостом Льва по истечении
десятков сороков зим, и пусть сам мудрец не знает

«КИТАБ АЛЬ-ХИКМА
АЛЬ-НАЖМИЯ».
ЭТО ЗНАЧИТ «КНИГА
МУДРОСТИ ЗВЕЗД».

Не помышляй, о человече, будто оные сказы лишь висят
пустыня, ибо мир носит две маски – то одну, а то иную,
– и там, где лежат земли людской славы, иные царят
лишь сон, как однажды станут сном все болести человека,
когда явлен будем Азбазитель, десницей кого исцеляется
Земля. Поднимаясь ему под хвостом Льва по истечении
сороков зим, и пусть сам мудрец не знает сева,

ОСНОВАТЕЛЬ ОРДЕНА,
ФРАНЦУЗ ЭТЬЕН РУЛЕ,
ПРИБЫЛ В ГРИНВИЧ,
РОД-АЙЛЕНД, В 1686 ГОДУ
И ПРИВЕЗ КНИГУ ХАЛИДА
С СОБОЙ.

ЭТО КНИЖКА
МИСТЕРА ХАЛИ. ПРИПОМИНАЮ,
Я НА НЕЕ ПОДРЯДИЛ СТАРОГО
ГАРЛАНДА УИТЛИ ИЗ АТОЛА.

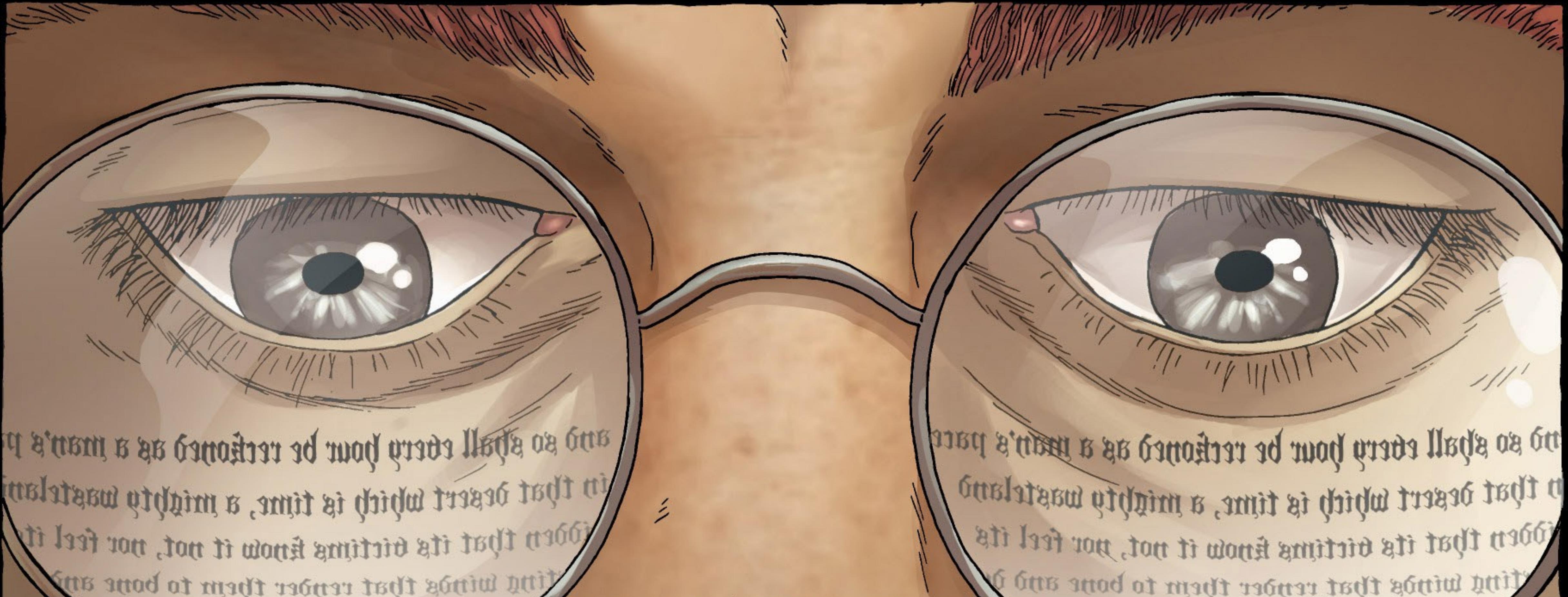
ПОНИМАЕШЬ,
ЭТО ОБЩЕСТВО,
В КОТОРОМ Я СОСТОЯЛ,
ПОДАРИЛО КНИГУ КОЛЛЕДЖУ
СВЯТОГО АНСЕЛЬМА
В МАНЧЕСТЕРЕ ГОДУ
ЭДАК В 1890-М.

Таблица Йукс Акро, давы они вонти

G D H V
T I K L
TZ D TZ

ТОГДА ОНИ ЕЩЕ МНИЛИ
О СЕБЕ НЕВЕСТЬ ЧТО.

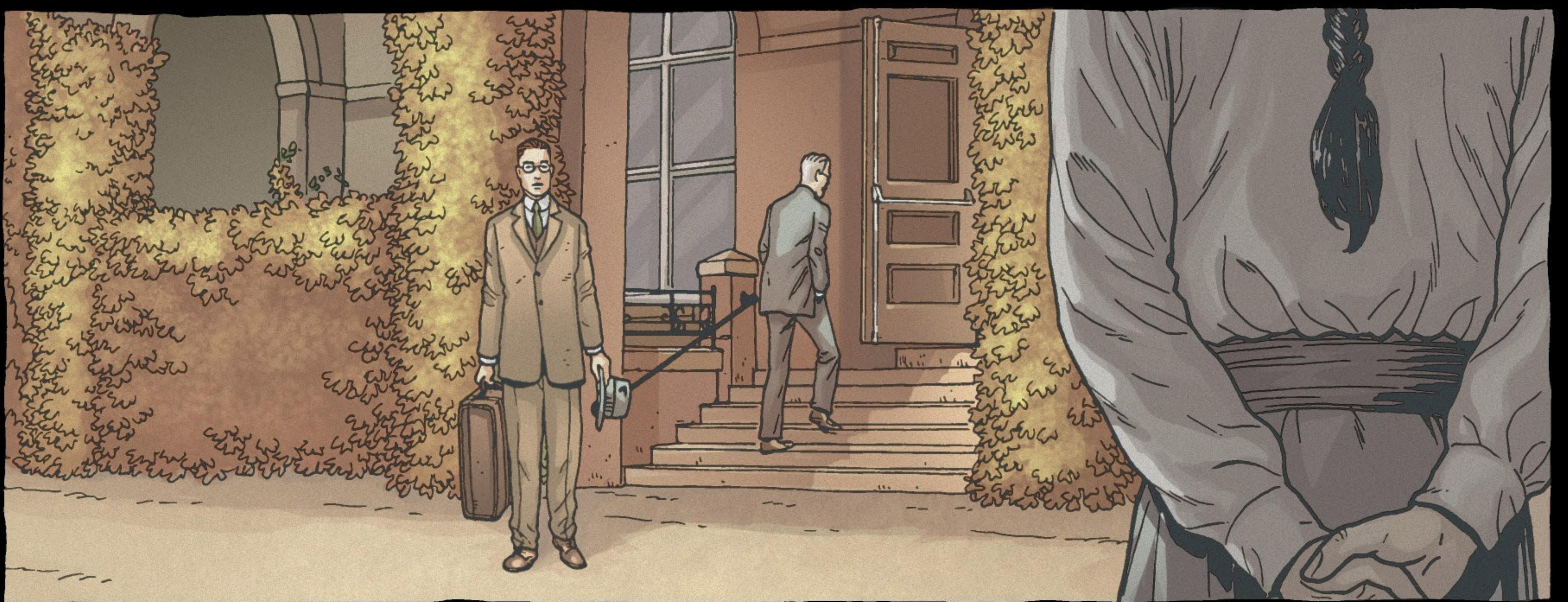
A	B	G	D	H	V
T ^Z	CH	T ^T	I	K	L
M	N	S	SH	TH	TZ
Q	R	Y		U	

ы лишь вели пред лицами люди из глубокой тьмы, что
долеши смерть и чрез то унаследовали вечность. Их мудр
радиции зиждутся на четырех средствах, что способны
длить срок человека, давы войти ему в число долгожителей
века своего. Первый из них есть питание, во хвори
есут того, кто ест мясо со свиного рода. Второй есл

яа четырех средства.
дабы войти ему в чи
рый из них есть питание,

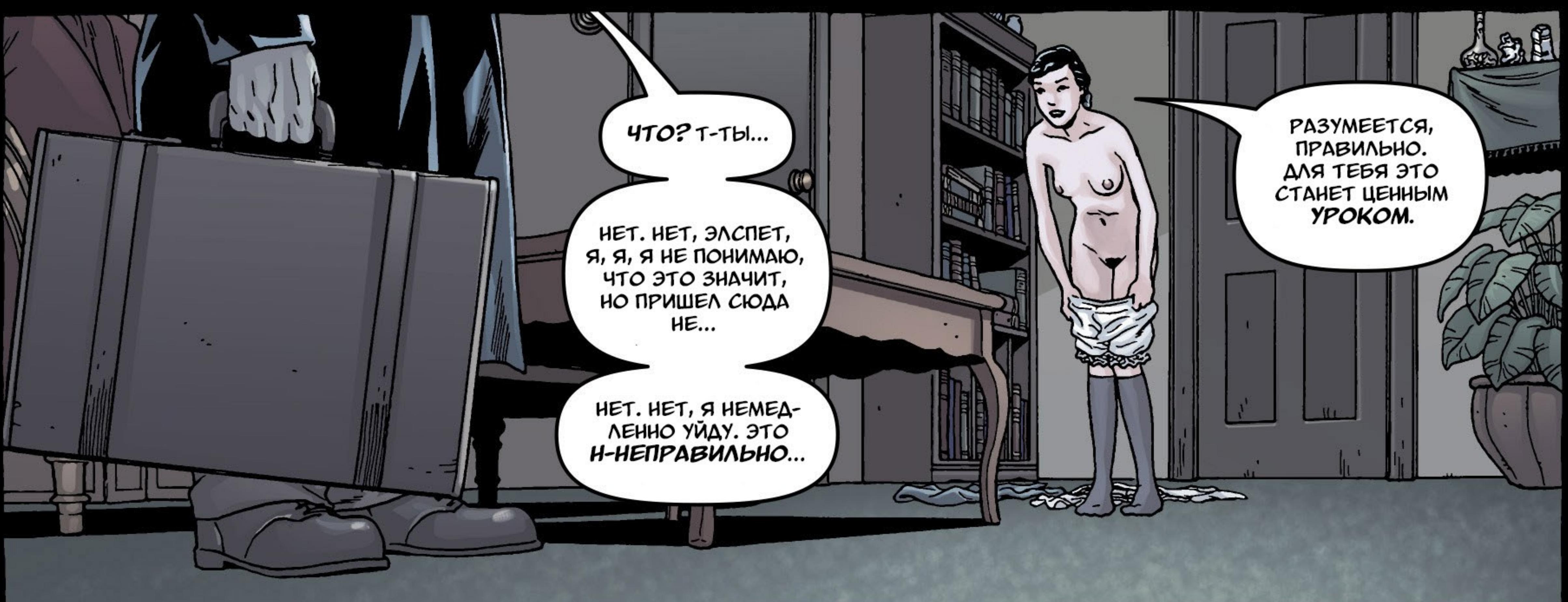

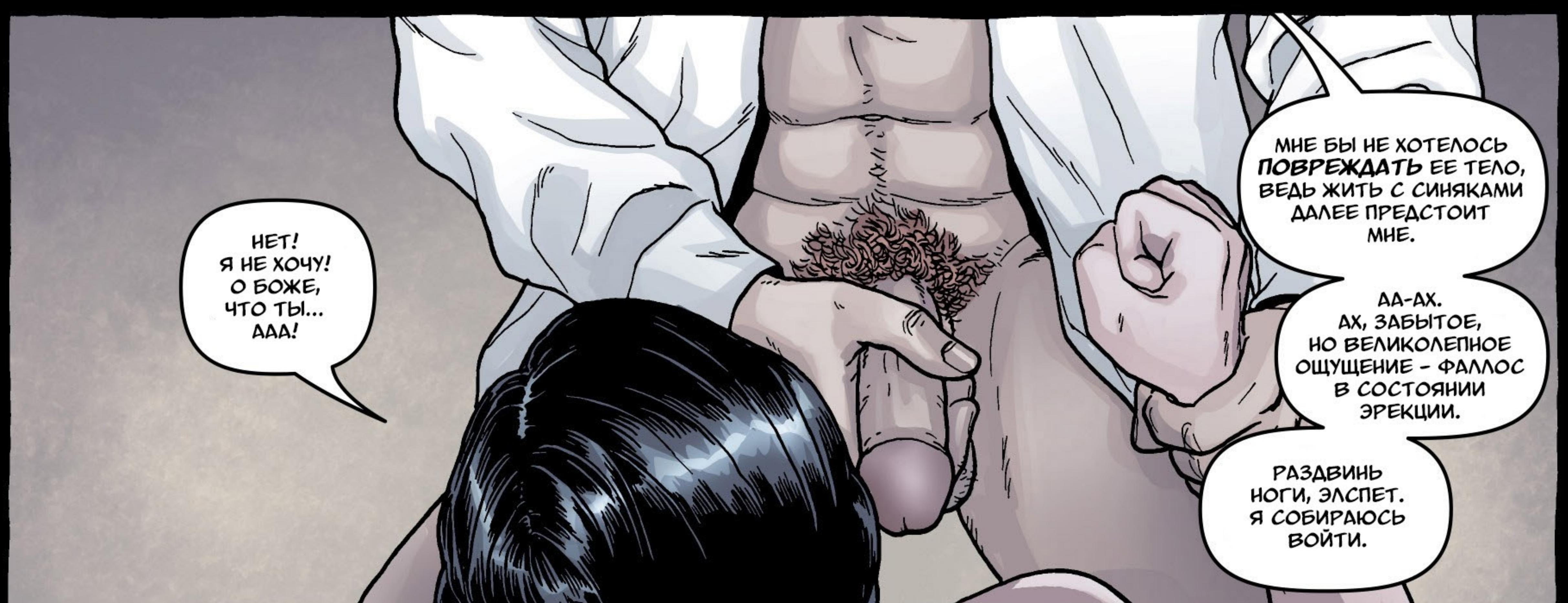
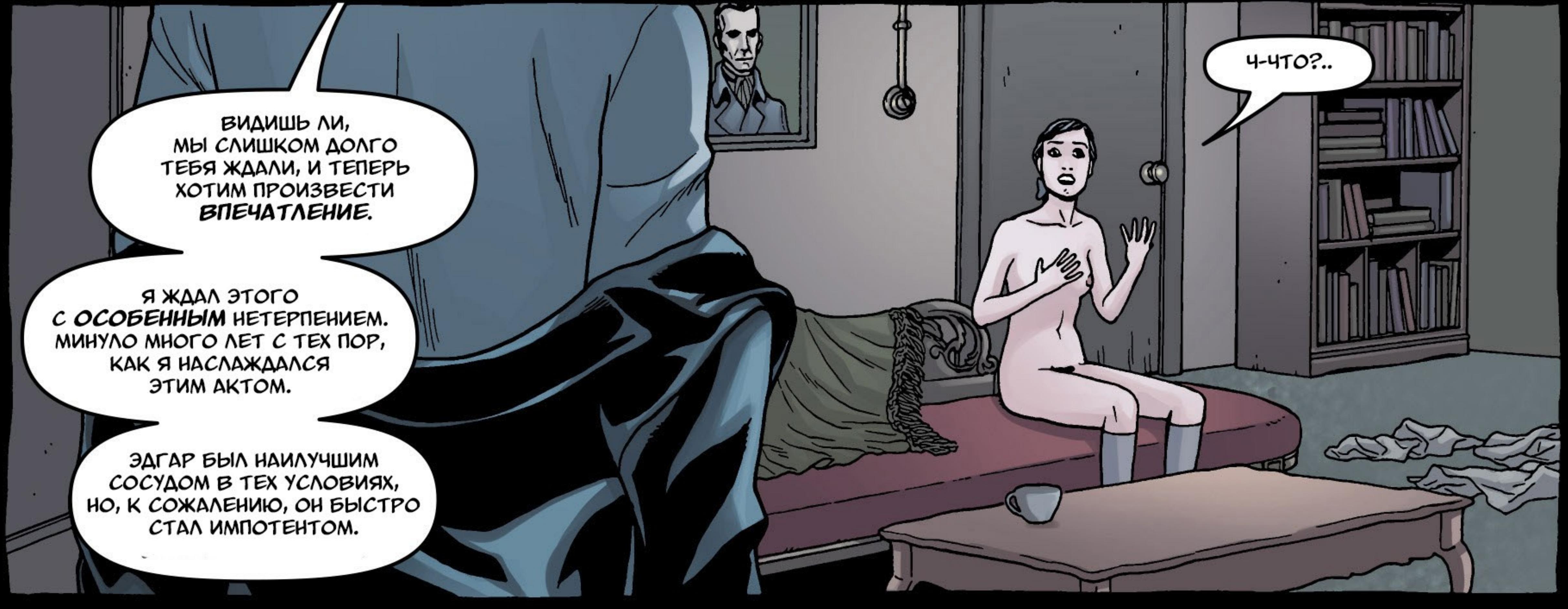

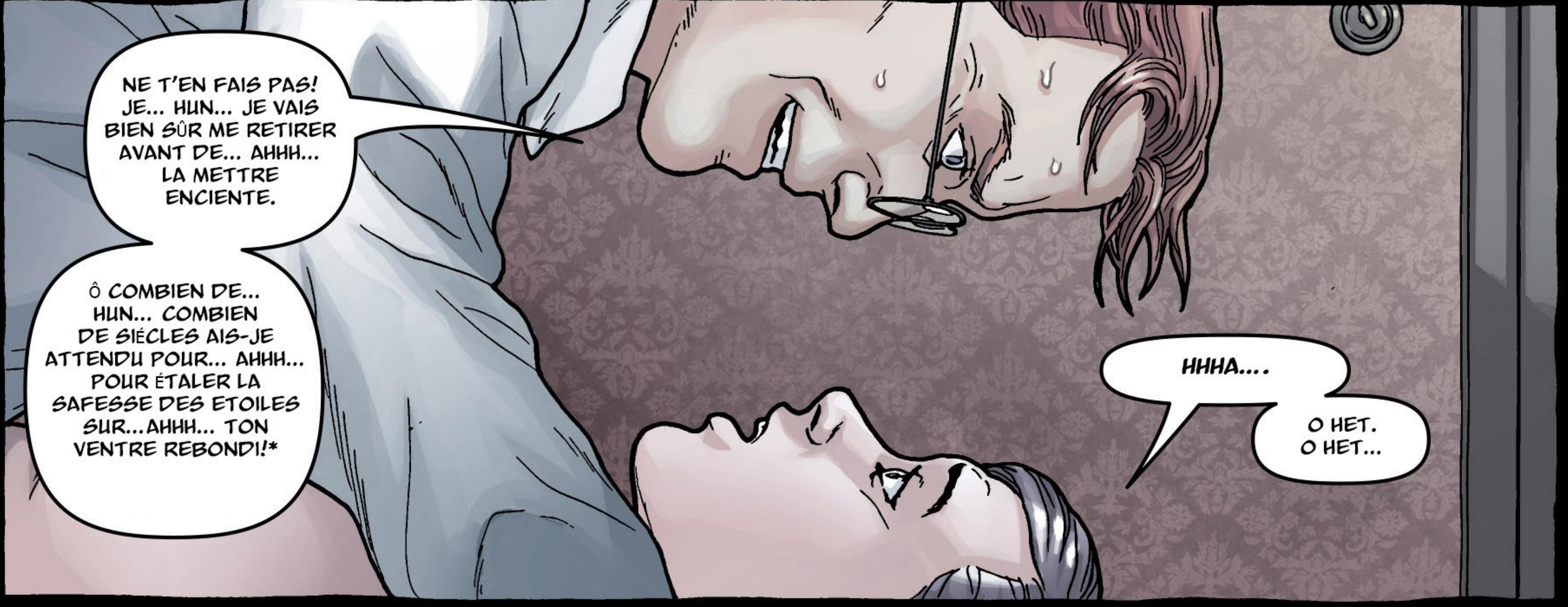
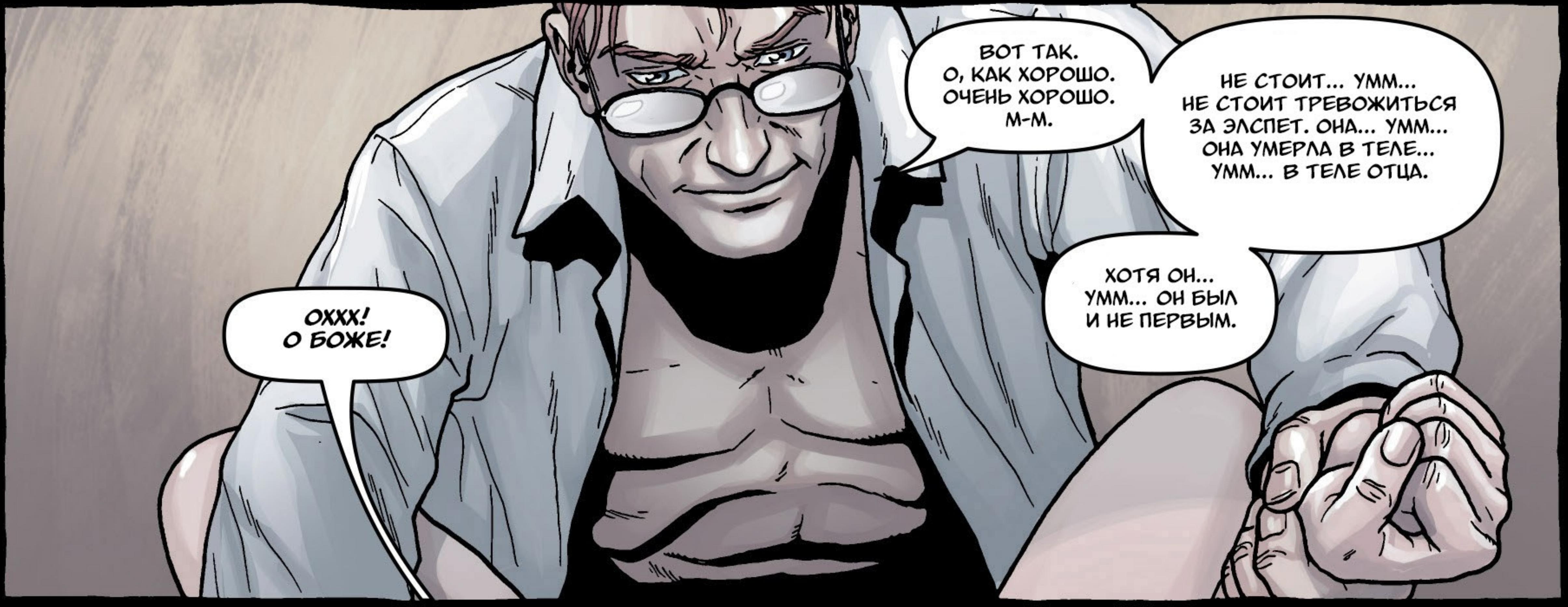

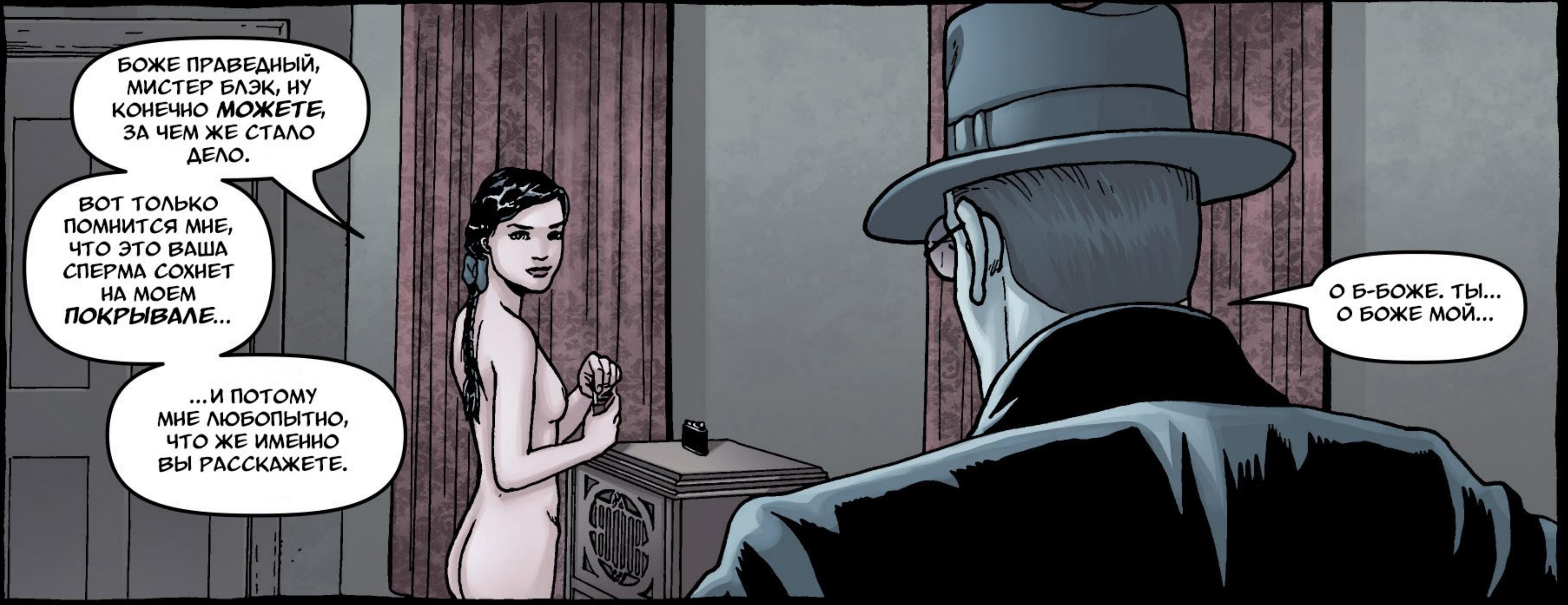

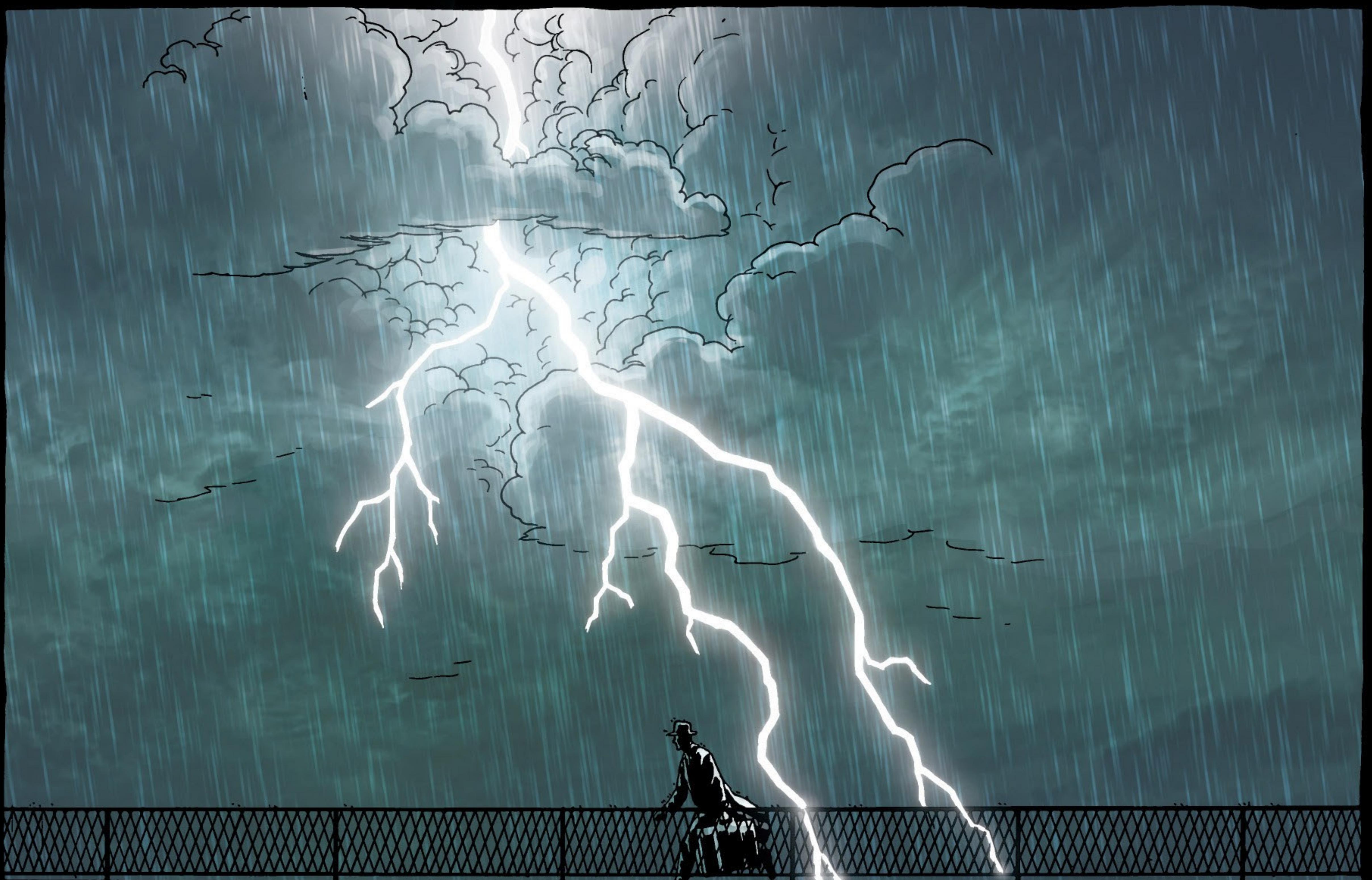

*НЕ ВОЛНУЙСЯ! Я... КОНЧНО ЖЕ, ДОСТАНУ РАНЬШЕ... ЭЯКУЛЯЦИИ. О, СКОЛЬКО ВЕКОВ
Я ЖАЖДАЛ РАСПЛЕСКАТЬ ЗВЕЗДНУЮ МУДРОСТЬ НА ТВОЕМ ЖИВОТЕ!

19 августа

Вот бы кому-нибудь из этом рассказать - как же я раз после стольких недель сказать в колледже Анселима, сидеть за столом в их библиотеке с текстами, что искал с той самой поры, когда с ним впервые упомянул д-р Альварес: «Книга мудрости звезд от Хали», издание 1651 года, в частности как ее описывал в брошюре Сейдам. Я еще к ней не приступал и, должен признать, поредком нервничая. Просто я так насыщен с ней и с теми, что она послужила вдохновением для «Sous le monde» Гийе и «Короля в жемчуге» Чамберса (и где запретные книги якобы сводили людей с ума), что находжу ее атмосферу и ауру много более чем пугающей. Знаю, все это плод моего воспаленного воображения, но, думаю, все же сперва изложу все, что произошло со временем последней записи, прежде чем надумаю мудрости и скунутся в текст с головой.

Пожалуй, одной из причин моей нервозности - и вновь виноват в этом только я сам - служит то, каким тревожным оказалось мое пребывание в Манчестере. Таится в этом месте что-то, чего я не могу разглядеть прямо, но что тем не менее расшатывает или нервирует, как следует из нелепого поведения прошлой ночью на Водопадах Геффра. Боже, очнувшись в пропахшей формальдегидом гостевой комнате Гектора Норма и вспомнив, где я и как здесь очутился, я несколько минут рвал на себе волосы от стыда за то, что напортил. Ну какого герта со мной не так? Ты ваняло дурака во Флетбиче, спустившись в подвал Роберта Сейдама, когда он ясно просил этого не делать, а то сбегают из собственной комнаты в глухую ночь и лежат в двери незнакомцев в поисках прибежища по причине лишь настойчивых ненормальных снов. Наверное, я все еще хрупок и неуравновешен после происшествия с Лили, хотя и сомневаюсь, что загвоздка только в этом. Даже учитывая то, что я сам признаю с своим душевным состоянием, я думаю, что Манчестер распревожит и самого уравновешенного посетителя - тут тебе и место падения метеорита, и прогее. Если честно, даже проснусь у д-ра Норма я не смог без таинственных происшествий.

Поднялся я довольно рано из-за расплывчатых и туманных снов, которых почти не помню: что-то про чтение книги, которая показалась мне моим новым романом, завершенным и опубликованным, — либо же, по крайней мере, это как-то с ними связано. Компаньон и сожитель д-ра Норма и-р Монтигооказался превосходным поваром и подал на стол лучший хаш из соленины, что я помню со времен забытья дома у матери Ребекки в Мишуски! И все же завтрак ощущало напряжение между моими хозяевами, не в последнюю очередь проявившееся в виде подспудной ссоры. Пока Монтиго удалился на кухню, Норм тайком пригласил меня прийти позже в дом на Орандж-стрит, чтобы провести с ним время. Я даже задумался над этим предложением — а все из-за редкого открытого гейзераического контакта в последние времена, — когда Монтиго отозвал стук в дверь, после чего он вернулся мгновение спустя с лицом, буквально поблескившим как простыня. Он ясно дал понять, что желает переговорить с д-ром Нормом наедине — что-то с студенткой из колледжа Акселем, которая доставила нежеланные новости, — а когда оба вернулись в столовую, из-за новой атмосферы между ними и обмена завуалированными репликами утренние часы уже казались буквально луцидными доброжелательностью. Оба словно мимо санкционирования, и мне показалось, что их преследовало какое-то ироничное приключение. Они недвусмысленно заявили, что должны бросить удраться из Манчестера — возможно, переехать в Бостон, если я не склонялся, — а также попросили доделать завтрак и отправляются восвояси.

Стоило мне ступить за порог, как я наткнулся не на кого иного как мальчику Элспет, небыкновенно чистую девочку, которая показала мне вчера путь до Водопадов Гарффи. Оказалось, что она и доставила сообщение из колледжа, которое так згоряло и-р Норма и Джеймса. Думая, вполне логично, что сообщение выпало доставить ей, раз Элспет живет поблизости на Орандж-стрит, но, когда я спросил с содержанием послания, она ответила только, что это от канадского военного — возможно, Норм и Джеймс знакомы с ним по военной службе, — и что он имел какого-то бесследование с доктором и его коллегой. Понятно, ей и в голову не приходило, что в этой на вид невинной

депече изложи так рассстригти нашу пару. Уверен, где невинной тринаадцатилетней девчушки такие взрослые матери находятся за пределами понимания.

Поскольку она направлялась в колледж, а я за неимением занятия погулив тоже подушивала повернуть свои столы в ту сторону, она сопровождала меня всю дорогу на холм до своего Ансельма. По пути я обратил внимание, что деревня в Нью-Гейлфорде действительна жутко рано, как мне и показалось, когда я въехала в город вчера. Этот вид даже принес облегчение, ведь вместе с другими проявлениями странного поведения из-за этой сумятицы я действительна нахожусь подушивать, будто мое нынешнее состояние не испаряется одним потрясением из-за происшествия с Лили. Когда же мы прибыли на место, я покинула Элспет хорошего дня, а сам отправился искать кого-нибудь, чтобы мне показали сам колледж — ведь я знала, что старшего библиотекара д-ра Вентейлжа еще какое-то время не будет. Но когда я повстречала д-ра Рейса, с которым познакомился вчера, и спросил, не сделает ли он мне облегчение и не покажет ли скругу, там совершенно меня загадил, между прочим сбормив, что д-р Вентейлж вернулся уже неделю назад. И все-таки я уверена, что ясно слышала его слова с теми, будто Вентейлж нет и не будет до конца августа. Видимо, либо это сознанно злая и малогная католическая шутка над атеистами, либо я безнадежно перепутала все, что мне говорили, и привел к неверным выводам. Предположим допустимо первое, но, боюсь, истина заключена как раз в последнем. Возможно, мысль, что точность наблюдений с наступлением ранней осени служит доказательством моего здравомыслия, несколько поспешна.

А может быть, в стенах колледжа все же обретается бедствие. Д-р Рейс и сам тот еще экспрессик, но, когда мы отправились искать якобы возвратившегося д-ра Вентейлжа, меня познакомили с другими коллегами Рейса, по сравнению с одним из которых, д-ром Нэтси Пейсли, Рейс кажется образцом рассудительности идержанности. Д-р Пейсли — как мне рассказали отмечавшийся одновременно и резкостью, и пристойной д-р Вентейлж ~~коэда~~ на пути в библиотеку — служил главой факультета политической экономии колледжа, но в 1908 году пережил какой-то катастрофический

первной срочк. Следующие пять лет, если верить Венгтейджу, Пейсли во всех отношениях стал другим человеком, а ко времени ровно восьмидесятого восстановления в 1913 году его личная жизнь была безнадежно испорчена, а жена с детьми оставили его. Пейсли явил собой воплощение трагедии: зевидно блестящий молодой человек, чью жизнь разрушил всего один психологический эпизод, над которыми он не был властен, и по сей день остающийся первым и возвращающим при любви широке, словно на его разум и душу пала какая-то страшная тень. Ужасное зрелище, и я очень надеюсь, что меня никогда не постигнет эта судьба.

Генри Венгтейдж, как я уже сказал, оказался приятным и услужливым человеком, несмотря на строгую (даже мрачную) манеру. Он без лишних промедлений привел меня в библиотеку. Первым делом показал мне фотографию покровителя колледжа — самих *Stella Sapiente*. Было даже поразительно обнаружить, что эти вроде бы таинственные типы выглядят сравнительно заурядными людьми, тем более склонившая к нелепым построениям, которые я успел наизречь с них в воображении. Несомненно было обнаружить в ряду группы и Гарланда с Лемишей, памятуя с тем, что снимок сделан сквозь 1890 года — когда жена Гарланда и мать Лемиши погибла якобы в несчастном случае, а самой Лемиши было сквозь двенадцать лет. Также среди собравшихся, большинство из которых я не знал, выделился один особенно примечательный мужчина, которого д-р Венгтейдж называл покойным Эдгаром Уайдом — оказывается, он был отцом моей маленькой проводницы Элспет. Уайды, по всей видимости, соломская семья с достойной репутацией, а девочка, на которую я наткнулся неглядяшим образом, оказалась дочерью этого из лидеров ордена. Подумать только! Теперь я вижу, что если бы не отнесся к незрелости Элспет с предубеждением, то уже мог бы получитъ все ответы и избавить себя от многих хлопот. Еще одним любопытным совпадением оказалось мне то, что автором группового портрета был тот же Рональд Питтиан из Бостона, который сделал ту задавную фотографию Чилларда Читти на сцене с символичной подписью, что я видел в Амсле. Понагай, это вполне логично: Гарланд Читти

для будущего снимка и узная его адрес для будущей семейной фотографии. Я думал, закончив в Манчестере, спешим нанести визит в Бостон и поискать Питтиана. Пожале, он состоял в достаточно тесных отношениях с арденом, чтобы предоставить мне дополнительную информацию, вдобавок эти сми можно сказать любопытными персонажами. Кроме того, я еще ни разу не был в Бостоне — судя по всем свидетельствам, несмотря на парковке и живописи, — а раз уж я в этих краях, будет глупо упустить шанс с ними познакомиться.

Что ж, затем д-р Венгтайдж предложил меня к запертому шкафу, где держат издание XVII века «Книги Хали», усыпая ими путь множеством притворно-главных предупреждений о мрачной репутации книги, демонстрируя сухой католический юмор, — по крайней мере, так я его понял. Достав «ужасный фолиант» из шкафа, Венгтайдж представил мне библиометрический стол, где я и кропотливо эти строки, а также дал разрешение копировать любой отрывок из книги на свое усмотрение, после чего представил меня самому себе, что мне только на руку. Признаюсь, что до сих пор так к ней и не приронулся — книга по-прежнему лежит на столе там, где ееставил Венгтайдж, — и счастливицу предварительные заметки, как раз чтобы помечнуть время перед знакомством с текстами, хотя это уже становятся легендой. Вот так я реагирую на историю, услышанную с книги, а также неумелые библиометрические шутки д-ра Венгтайджа. Пора мне уже вести себя как взрослый мужчина и просто объективно взглянуть на возникший объект расследования — и увидеть, что это лишь очень старая книга с запахом, вокруг которой кое-кто умудрился выстроить целую мифологию.

С этой точки зрения, надо заметить, что можно даже разогреть. Трудно сказать, каким я представил себе существо по алхимии — наверное, что-нибудь со звездами, лунами и мистическими символами плавает на обложке, — но он выглядит таким простым и заурядным, что легко может показаться сводом строительного законодательства или поваренной книги. Он даже не кажется каким-то особенным старым, эксцентричным или английским, как я был бы склонен. Обложки — просто старые серые доски, и нет слов в старом стиле, где S похожа на F. Наверное, я надеялся

на что-то более шекспировское, что бы это ни значило. На обложке даже эпиграфами реклама герни производителя, чего уж точно не ждешь от компетентного знаний о темной магии. Чувствую себя поверхностным дураком. Ну конечно же, книгу эпиграфами на камильской предприятии во времена и в местах, которые не виделись экзотичными или мистическими теми, кто там жив; кто работал за стаканом или трудился над переплетами. Создателям книги она вряд ли казалась сколько-нибудь примечательной, чем для меня, Присси Тернер или Фредди Дикса - свежее издание «Берегов». Причем в обоих случаях нет ничего удивительного в рекламе герни на обложке.

Ну вот, я открыл ее и внимательно прогляд пару страниц, и должен сказать, что внутри книга гораздо интереснее, чем снаружи. Встречаем читателя предисловие, предположительно, самого Халида ибн-Язида, которое стоит попытаться скопировать, ~~и попытать~~ и еще здесь имеется дополнительный текст мелким шрифтом - полагаю, более поздний комментарий арабского исследователя оккультизма, который расширил оригинальную версию Халида «Китаб аль-хикая аль-нажи»), Ахмада ибн Юсуфа Аль-Буни. От готического шрифта веет странной атмосферой и важностью, которые я вряд ли смогу передать в рукописных заметках, но попытка не пытка:

«Внимите речам моим, ибо я Халид, сын халифа, и един сред людей зрил бескрайнюю страну, иже есть под Землей и за углами ее и изгибами ее, и глаза мое с сутанами ее. Я принял рече, что сама почва под ногами некогда бывала не более чем сном, и будет сном впередь, понеже лишь в мире внизу все настоящее, а мы и дела наши лишь скоропрекращающие тени.

Однажды был я как ты, узник времени и наших чувств человеческих, я был слеп и глух, видел лишь малую толику мира и погибая в заблуждении своем, что мне ведали все. Я был как ты! Я проводил дни в трудах и учении, и рек другим, как ценные и важны эти в нашем мире, и все же сам не мог измерить ценность их или объяснить важность их. И я проводил ноги в грехах с никемных делах, и стезях, и встречах, что истинись нужными в жизни наяву, но наутро делались суетой и пустотой. Я был как ты! Дни и ноги

ходили на бесполезные труды, и не боясь в них
ни знания, ни доли абсолюта.

Ино на склоне лет, когда я мыслил, что стезя моих
писаний и учений окончена, сошел ко мне сон, истинней
прочих — истинней тени моей предней жизни, — и все
моё существо исполнилось знанием великим, неподвластным
разуму моему. Во дреме я словно шел по берегу неземного
озера, что клюкотало тучами грозовыми и ~~порад~~
парами сияющими. Дивясь, взире я на небеса и увидал,
что не единъ солнце в них, а сияет с братами своими,
вига малого и хворого. Вслед за тем раздался час, и рек
они: «Сей час есть ранний», — и уразумел я, что увиденное
грядет к нам.

За тем явлены мне были звезды в ночных неба,
составившие знак, что ми зовем Тегезу, и познал я,
откуда принесся ко мне сей сон, и даже я сам учился
в даль, где стояли дома из высоких глыб, дивней мечетей
и дворцов, возведенные по иным законам, а потому
не измерить их ни зной мерой, ни здним инструментом.
И были там люди чужого лица, похожие не на людей,
а на то, что растет на камнях в скале, но ростом
чудесные и разумом и знанием великие, и звездами
были главы их. Многозначными жестами и сладкими
узами мыслей между нами мне велено было произвестъ
зеркало боящим глазам размером, из черного стекла,
вулканами из песка творимого. Погику чрез него говорю
я со звездноглавыми людьми, словно чрез горы или телескоп,
где я зрю далекую брамиту и внемлю их диковинными
нареками.

А как разомкнул я веяды, то селася, как велено,
и призвал мастеров произвестъ зеркало, подобно
моему видению, и на том укрылся сам-единъ и взире
на сию зеркало, и вновь представи очам моим озеро
клубящегося тумана и света, и несходские солнца
по-над ним, и вновь я был сред новоздременных друзей.
Понеже явилъ моему взору они две дюжины буквъ,
писанных синим пламенем, и записал я их, и паки
зубрил терпеливо с новыми учениями их странный
язык и букварь. С новыми языком дважды сотни дней
и ногей я учи философию звездноглавых, и их методы
врачевания, або их великое знание секта. Постижение
мудрости звезд в моих руках, и имеющий уши
да услышит ее чрез мене».

Ого, ну и наговорил. Все это больше напоминает Герберта Уэллса, чем полулюбительскую романтику «1001 ночь», что я эскизировал... двойные солнца и черное зеркало, напоминающее описание какой-то телефонной аппарат, — ничего подобного я еще не читал. Так или иначе, под этим текстом есть короткая вставка меньшим шрифтом, которую я тоже решил включить, чтобы передать весь характер книги.

«ПИСАНО РУКОЙ АЛЬ-БУНИ:

Здесь Халид гласит нам о мире джиннов, что находится на Земле подле нашего, но скрыт от смертных очей великой господней мудрости. Предречено было, чтобы семя плакет и звезд зодиака имели тайных двойников, где собирают джиннов с других Земель. Понеже язык, что узнал Халид, принадлежит сему чужому виду джиннов, ведь джинны нашего мира владеют языками, родными нашему».

Я так увлекся переписыванием текста воин, что забылся, где я и сколько времени здесь провел. Я начинаю замечать за собой легкую неразборчивость касательно того, что списываю, а так здесь можно пропустить и целые дни. Кое-что я проглядываю и занесу в тетрадь лишь то, что привлечет мое внимание или по какой-то причине покажется значимым. Например, отрывок внизу, похоже, рассказывает об «издавителе», с которым я уже так насыщен:

«И было так, что мир разладился, а прошлое скрыто в погребении и забвении. И все же там, где не ступала нога человека, в норах под землей и на неоткрытых и неведомых островах, кири не зря смотрел на него и с крах не рек языком человека, бывший мир явил седя. Странники изловят с демонах, обременяющихся под нашими гробыми, что главами и ликами аки псы с глубокой глубиной, и гласят с диких ридах-мужчинах и их прекрасных ридах-женщинах со главами градами под южными морями. Не помысли, с человеком, будто эти сказы лишь басни пустые, ибо мир носит две маски — то одну, а то иную, — и там, где лежат земли этой слово, никто уарит лишь сон, как однажды станут сном все волости человека, когда явлен будет Издавитель, десницею кого исчезнет разлад Земли. Родится ему под хвостом льва по истечении трех десятков сорока зим, и, пусто сам мудрец не знает седя, есть способы его признать.

Вот знаки, по коим его узнают, ибо сказано, что Избавитель рождается сред сеи холмов и будет, аки прокаженный, скрыт от взора гендереского. Мать его будет как ханжон бега, отец его синец, а где его, минувши разум, станет наугад в делах мира скряться, кудес касающихся. Ибо разве не сказано, что будут упьри и прочие духи неписмов в дальних долинах, куда изредка заглянет гендерек? Сии Избавитель станет достоин званья, хотя и без ведома об уделе своем, и приди к нему Посланец с Благой вестью и призови пойти в мир и исцелить его — да, даже тогда Избавитель не познает средств исполнения пророчества радостного».

Под этим есть еще одно дополнение от Аль-Буни:

«ПИСАНО РУКОЙ АЛЬ-БУНИ:

Здесь Халид, должно быть, гласит с Риме на сеи холмах, и предвещает с тоби, кто будет рожден в такую далекую от нас пору, что возобразить сие невозможно. Должно быть, Халид гласит с великим правителем римской веры, и который правитель уродится в семье, столь ослабленной от кровосмесления, что постигнет ее блед и безумие, упомянутые Халидом. Посланец, или же геральд, что снизойдет к Избавителю и явит ему судьбу его, должно быть, Гермес наряда греков, пусть он может быть иной на туры и видов».

Надо сказать, читая это, я вспоминаю с тоби, что видел и слышал, когда посетил Читти рядом с Амалом. Разве Гарланд Читти не говорил, что эта его семья должна породить Избавителя? И, кажется, причиняю, как ужасающе уродливый Чилгард говорил, что в истории Избавителя должен быть сумасшедший старик, безумная женщина и уродливый малчик... давайте тогда описание Гарланда, Лемиши и Чилгарда Читти, если подумать. Я знаю, что Амал лежит среди множества иранных «круглых холмов», как выразилась библиотекарша, но увы, мне не пришло в голову их сосчитать. Вполне возможно, их семья, что и дал Гарланду почву для безумной идеи об исполнении не менее безумного древнего пророчества. И пусть в это непросто поверить, но в этой на вид бредовой старой книге встретается немало страниц, памятавших уложить в голове многое из того, что со мной случилось, а это ровно то, что мне нужно. Видимо, следут записать на будущее как можно больше. Только что я начел

следной материала, касающейся если не Избавителя, то явно персонажа этого самого Посланца, который приносит Избавителя «благую весть», чтобы тот исполнил свою судьбу:

«И когда он останется один, не ведая, где искать прибежища, снизойдет к нему Посланец и научит его. Многие будут знаки, по коим узнает его Избавителя, ибо посланец герен, и герен путь его. Он если писарь, яко Тот из древнего Хема, и несет странные инструменты, яже из стекла и железа. Рядом он из края далекого в пространстве и времени, где бывают клюгами искры и маневрие руки творят посеребренные зраки спященных руин, ибо он если посланец фараона великого и древнего, нареченного Н____теп, яже в числе тех, что прежде были, сущи и будут даже, когда дни исчисляются в гаднях длины. Ибо разве не сказано, что Верность не ведает ни конца, ни перемен и смерть умирает в ином измерении эпох?»

Затем следующая аннотация от Аль-Буни:

«ПИСАНО РУКОЙ АЛЬ-БУНИ:

Здесь Халид ибн Язид гласит с рожденным в царствах до того, как был Хем, с тем, кому ведают свойства янтаря и многие волхвания. Хотя люди мыслят, что Царь, кого нельзя называть, если славный Навуходнисор, пусть услышат все, что на деле се если титул изгубего джинна, что дарует мудрость мерить промежение часов иначе и учит другим несметными предметами. Один из них - философия проникновения в мысли человека, а также великий новый способ смысления, и небыкновенная речь, что несет с собой небыкновенные и великие познания».

И сразу рядом мне попалась такая германическая, что я просто здезан попробовать ее скопировать. Это какая-то таблица, которая относится, по всей видимости, к упомянутому выше полутороннему языку, по крайней мере его алфавиту, и распределена в квадратах рядом с английскими эквивалентами. Последним, получится ли у меня аккуратно это передать.

«ПОД СИМ ТАБЛИЦА БУКВ АКЛО, ДАБЫ ОНИ БЫЛИ ВЕДОМЫ ЧЕЛОВЕКУ».

и	и	и	и	A
и	и	и	и	B
и	и	и	и	C
и	и	и	и	D
и	и	и	и	E
и	и	и	и	F
и	и	и	и	G
и	и	и	и	H
и	и	и	и	I

Уверен, что надеял синий, но я просто не мог не перенести в тетрадь этот шифр-алфавит, поскольку он кажется важным. Если честно, даже во время переписывания я вдруг погуствовал себе странно. Сколько же времени часов, пока я сижу и перкаю эту помуторонную генуру, с головой уйдя в свой мир - или, вернее, чей-то другой мир? Должно быть, мимо ходили читать или сверяясь с книгами местные студенты, а я сдавался к ним так слеп, что с теми же успехами они могли вовсе не появляться или быть просвевавшими и несвежающими призраками. Я словно потерял счет времени. Пожалуй, я здесь уже засиделся, но мне почему-то кажется, что нужно продолжать работу над транскрипцией. В конце концов, мне может быть не винастъ шанс увидеть эти страницы, а при этом не оставляем ощущение, что они несут основополагающее значение для моей книги. После алфавитной таблицы встречается отрывок, который частично объясняет суть языка, с прикреплением небольшого гLOSSАРИЯ. Слов слишком много, чтобы переписывать все, но несколькиххватит для того, чтобы сложить более представление.

«Таблица букв явлена мне той манерой, дабы весь их воздействие на чувства читателя или был слаб и блекл, позже положение и порядок букв изменены. Буквы воссияли одна за другой в черном стекле из мира, где обременятся ангелы с главах в виде звезд. Сие устройство же наделило значением многие слова, способные весь свет погубить.

НГАТХФ, иначе ФХТАГН, что значит ТОТ, КТО СНИЛСЯ СЕБЕ, скрето ТОТ, КТО ЕСТЬ СОН О СЕБЕ САМОМ.

ОЛКА, иначе АКЛО, если ТКАНЬ РЕЧИ, ЧТО ТАИТ СУТЬ.

ЙЭ'Й-АЗВ, иначе ВЗА Й'ЭЙ, если ВЕЛИКОЕ НЕГЛАСНОЕ ОТРИЦАНИЕ, НЕСОМОЕ СЛОВАМИ, СЛОВНО ОТСУСТВУЮЩАЯ ТЕНЬ.

АНХ-ОХД, иначе ДХО-ХНА, если ВТОРГАЮЩАЯСЯ СИЛА, ЯВЛЕНИЕ КОЕЙ ПРИНОСИТ НОВЫЙ СМЫСЛ.

РГНХХН РИ, иначе ИР НХХНГР, если СЕЙЧАС ЕСТЬ РАНЬШЕ, скрето БУДУЩЕЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ НЫНЕШНЕЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ПРОШЛОЕ.

КАНОЛОГ'И, иначе И'ГОЛОНАК, если НЕЗЫБЛЕМОЕ ПРАВИЛО, ПОСТАНОВЛЯЮЩЕЕ СВОЕ НАРУШЕНИЕ.

ИУЛГН'Ф, иначе Ф'НГЛУИ, если ПОГРУЖЕНИЕ БОЛЕЕ ГЛУБОКОГО, скрето ОКЕАН, СОКРЫТЫЙ В ЛУЖЕ.

Вот. Думай, пока хватит. Пока я писал эти слова, мурашки бегали по коже даже сиуринчи, тем при работе с алфавитом. Я только сейчас осознал, что это настоящие слова и мысли самого Халида ибн Язида, настоящего человека, который жил и умер более тысячи лет назад. Я словно погружал в его разум, а это не самое комфортное место. В книге еще десятки страниц, напечатанных (неприятным способом) на изобретенном алфавите, и, хотя, похоже, в конце дан английский перевод, я не вспомню и мысли о том, чтобы дальше погружаться в этот нелепоразительный бред. Скоро нужно прерваться и вернуться на свежий воздух. Осталось скопировать всего пару строкок...

«В искусствах медицины и врачевания мои лишь
чтада неразумные пред лицами людей из глубокой тьмы,
что здешни смерть и через то унаследовали вечность.
Их мудрые традиции руководятся на четырех средствах,
что способны длило срок человека, дабы войти ему
в число долгожителей племени своего. Первый из них есть
питание, до хвояи бегут того, кто ест мясо
собственного рода. Второй есть тепло или холод, до
чтим истой смерти нигде, сприю тления материи.
Третий есть воскрешение плоти гареми и зелями либо
же соками сущности человека, как следует добывать искусно.
Четвертый способ долголетия есть самой страшной
и покоряется на извлечении души, дабы спустошенный
сосуд занял новый обитатель, а прежний хозяин этого
затмился в нежеланном бичом жизни заклинателя».

Должно быть, это и есть те самые «четыре метода»,
о которых я так много слышал с тех пор, как месяц
или два назад их упомянул д-р Альварез. Первый - не знаю.
Похоже на что-то броде каннибализма. Какое же настанет
облегчение, когда я расправляюсь с последними строками.
Меня все уносит мысли к незваным и неприятным
картинам, и я как будто даже забываю, где нахожусь.
Почему мне так тревожно, словно скоро произойдет
что-то очень плохое - или, хуже того, уже происходит?
Лучше выкинуть эти глупости из головы. В моих записях
остался последний рывок, и тогда я наконец отсюда
выберусь. Близко к концу встречается абзац, похоже,
посвященный тому, как изгнать этих жутких тварей
из другого мира, если стереть их вдруг не захочется их
видеть...

«И когда на всей земле вновь настанет великий бесконечный день, да стерто буде знание с земя и да будет всякий час лишь шагом человека в пустыне времени, забытой пустыни, скрытой до поры, дабы жертвам ее не ведали и не гуляли забывающих ветров, да костей и праха иссушающих. История человека обратится в ничто, останутся лишь грехи, и в новый мир взойдут силы, что были в нем до первых времен. Первым проявится том, кто есть дверь из многих сфер, и есть он часть иных, словно орган в теле или же актер в драме, и иные последуют за ним. И будет том, кто есть созвездие и кто за пределами именования и познания, и будет том, кто с многих лицах и глазе ужасен. И будет том, кто есть погородная туча, что разиняжается без скончания, и напоследок будет том, кому снится новое прошлое, содержащее его рождение, его правление и его сон. Никто не противится господству их, не ведая знаков, силой уделяющих. Сущностей из skeana можно сдерживать символом креста с крюках на конце, коий являет собой узел, связывающий разные плоскости бытия. Также можно сковать существ, забывающих в стихиях эфира или земли, при вспомицествовании узора в виде звезды с пятью концами. Этот узел, как и крест с крюках, паче сложный и надежный, а также символ великой власти звездолюбових людей. Да будет отражен средствами сии приход древних хозяев Земли, но знайте, что все время если сон еще не рожденного великаго сновидца, и все, что грядет, уже предписано».

О боже. С меня хватит. Более чем хватит. Я только что заметил, что во всей библиотеке не осталось никого, кроме меня и работников, которые уже готовятся закрываться. Пора отправляться на поиски д-ра Венгтайджа и поблагодарить его, прежде чем быстренько покинуть помещение и отыскать разыскать в Манчестере новый ноготь, пока совсем не стемнело. После целого дня, проведенного с головой в непростительной книге, я чувствую седя еще более жутко, чем даже прошлой ночью, а вспомнимте, как нелепо я тогда седя лежал. Быть может, Венгтайдж или кто-нибудь из его эксцентричных профессоров сумеют переключить какое-нибудь подобие. Уж в Водопады Гоффа я больше ни ногой, даже если все это был только дурацкий сон.

Свет из окон библиотеки зовет на пасмурный для августа. Позже, скоро разойдется, а я только что вспомнил, что поздний паломник дома у и-с Майси. И герт с ними. Как бы отряхнуть это изумление, что вокруг скользят стены, которые наверняка всего лишь следствие того, что я целый день сидел на месте и читал эту зачарованную книжонку. Я чувствую себя так, что погти хотят поверить в водуемые для публичности слухи о «Sous le monde» Клода Гийа и то, как их преподнес Роберт Чамберс в «Короле в шестом». Если в мире и существует книга, способная довести до сумасшествия, то, позже, я ее только что прогляд. А вот показался и библиотекарь. Пора убираться отсюда, пока не стало слишком поздно.

«Я представляю Аркхем городком наподобие Салема в атмосфере и архитектурном стиле, но более холмистым... Расположение улиц на салемское не походит.

Что до местоположения Аркхема – пожалуй, я помещаю город и воображаемую реку Мискатоник где-нибудь к северу от Салема – к примеру, у Манчестера».

В письме Ф. Ли. Болдуину.

29 апреля 1934